

Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 89—107.

Woman in Russian Society. 2024. No. 2. P. 89—107.

Научная статья

УДК 316.356.2-055.2

DOI: 40.21.064/WinRS.2024.2.7

**СУПРУЖЕСКОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН
ГЛАЗАМИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ИНТЕРНЕТА**

Ольга Александровна Воронина,

Екатерина Владимировна Митягина,

Марина Николаевна Бородатая, Елена Валерьевна Волченкова,

Нина Николаевна Ершова

Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, forol@list.ru

Аннотация. Исследование интернет-обращений и комментариев к ним является дополнительным источником информации о специфике супружеского насилия в силу того, что жертвы по разным причинам не обращаются за помощью в официальные органы. Авторы расширяют и дополняют научные исследования, предлагая развернутый перечень параметров анализа, которые можно извлечь из сообщений пользователей российского Интернета о супружеском насилии. Целью исследования стало выявление специфики представлений о супружеском насилии в отношении женщин пользователей российского Интернета. Проанализировано 10 тыс. сообщений из открытых источников в Интернете, содержащих описание супружеского насилия, с помощью методов извлечения данных через систему «Крибрум», предобработки данных, разметки сообщений, статистических методов (частотный анализ, кросс-табуляция, критерий хи-квадрат Пирсона). Представлено описание особенностей супружеского насилия в отношении женщин по выделенным параметрам: 1) типу агрессора (мужчина, женщина); 2) типу повествования (от первого или от третьего лица); 3) виду насилия (физическое, сексуальное, психологическое, экономическое); 4) типу насилия (систематическое насилие и контроль; сопротивление и оборона; ситуационное насилие; провокационное насилие; разрыв отношений); 5) тональности сообщения (позитивная, негативная, противоречивая, нейтральная); 6) позиции автора (осуждение насилия, оправдание насилия, поддержка жертвы, нейтральное отношение, противоречивое отношение); 7) виду поддержки в комментариях при ее наличии (информационная, эмоциональная); 8) типу активности жертвы («действие» и «бездействие»).

© Воронина О. А., Митягина Е. В., Бородатая М. Н., Волченкова Е. В.,
Ершова Н. Н., 2024

Ключевые слова: насилие, семейное насилие, супружеское насилие в отношении женщин, виды насилия

Для цитирования: Воронина О. А., Митягина Е. В., Бородастая М. Н., Волченкова Е. В., Ершова Н. Н. Супружеское насилие в отношении женщин глазами пользователей российского Интернета // *Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 89—107.*

Original article

SPOUSE VIOLENCE AGAINST WOMEN THROUGH THE EYES OF RUSSIAN INTERNET USERS

*Olga A. Voronina, Ekaterina V. Mitiagina, Marina N. Borodataya,
Elena V. Volchenkova, Nina N. Ershova*

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, forol@list.ru

Abstract. The study of Internet messages and comments on them is an additional source of information about the specifics of spousal violence due to the fact that victims do not ask for help from official authorities for various reasons. The authors expand and complement scientific research by offering a comprehensive list of parameters that can be extracted from messages of Russian Internet users about spousal violence. The purpose of the study was to identify the specifics of ideas about spousal violence against women through the eyes of Russian Internet users. 10,000 messages from open sources on the Internet containing a description of spousal violence were analyzed using data extraction methods in the Kribrum system, data preprocessing, message tagging, and statistical methods (frequency analysis, cross-tabulation, Pearson's chi-squared test). The features of spousal violence against women are presented according to the selected parameters: 1) type of aggressor (male, female); 2) kind of violence (physical, sexual, psychological, economic); 3) type of narration (from the first or third person); 4) type of violence (systematic violence and control; resistance and defense; situational violence, provocative violence, breakup); 5) tone (positive, negative, contradictory, neutral); 6) position (condemnation of violence, justification of violence, support for victims, neutral attitude, contradictory attitude); 7) type of support in the comments, if any (informational, emotional); 8) type of activity of victims (action and inaction). It is shown that in 88,5 % of the messages the violator is a man. The problem of violence is latent. Victims are not ready to talk about facts of spousal violence, most of the messages are written in the third person — 90,9 %. Physical violence against women occurs more frequently (91,5 %) than other kinds of violence and it is a systematically repetitive behavior (70,4 %). The causes of situational violence (24,5 %) are the state of intoxication or extreme emotional irritation of a man. 5 positions of the authors of the messages regarding spousal violence against women were identified: neutral (45,6 %), condemning (35,6 %), supportive (10,5 %), justifying (7,1 %) and contradictory (1,2 %). The authors of the messages whose position is connected with condemnation of violence (35,6 %) are ready to provide the victim with emotional (9,7 %) and less often informational support (1,9 %). A female victim of spousal violence is more likely to be inactive (9,5 %), she experiences a lack of opportunities and rarely resolves a crisis situation actively (0,95 %).

Key words: violence, family violence, spousal violence against women, types of violence

For citation: Voronina, O. A., Mitiagina, E. V., Borodataya, M. N., Volchenkova, E. V., Ershova, N. N. (2024) *Supruzheskoe nasilie v otnoshenii zhenshchin glazami pol'zovatelei rossiiskogo Interneta* [Spouse violence against women through the eyes of Russian Internet users], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 89—107.

Введение

Актуальность проблемы исследования определяется увеличением масштабов семейного насилия, преимущественно над женщинами. Супружеское насилие в отношении женщин как форма проявления гендерного неравенства, увековеченная патриархальными структурами и культурными нормами общества, существовало во все времена, однако не всегда рассматривалось в качестве острой социальной проблемы. Предметом активного обсуждения обозначенная тема стала сравнительно недавно, в 70-х гг. XX в., благодаря активизации деятельности средств массовой информации и женского движения в США и странах Западной Европы. Вторая волна научного и практического интереса к представленной проблематике связана с всплеском домашнего насилия в период пандемии COVID-19 [Казун, 2022; Калабихина, 2022], что в первую очередь обусловлено карантинном, усугубляющим семейные конфликты, экономическим бедствием и напряженностью, изменением образа жизни, обострением заболеваний и ограничениями в получении необходимой поддержки жертвами семейного насилия во время пандемии [Zhang, 2022].

Исследователи отмечают отсутствие у обсуждаемой проблемы географических, классовых, расовых, культурных, религиозных и социально-экономических границ. Так, насилие между интимными партнерами диагностируется в самых разных частях света: в Америке, Европе, Азии и Африке [Kourti et al., 2021].

Супружеское насилие является частью широкого понятия — домашнего (или семейного) насилия, которое осуществляется в форме повторяющегося цикла с увеличением частоты: физического, словесного, экономического или сексуального оскорбления члена семьи для подавления его воли и приобретения над ним власти [Саламова, 2018].

Под супружеским насилием (англоязычный термин «intimate partner violence»), согласно взглядам Т. В. Шипуновой, понимается воздействие одного социального агента на другого, связанного с первым официальными (брачными) или неофициальными (гражданский брак / сожительство) отношениями, в ходе которого причиняется вред (физический, психологический, моральный и др.) либо превышает мера эквивалентного воздаяния в ответных реакциях [Шипунова, 2016: 143]. Супружеское насилие отличается от других видов насилия тем, что обидчик и жертва находятся в родственных или иных близких отношениях, что усугубляет психологическую травму, получаемую жертвой.

По характеру насильственных действий в отношении женщин авторы рассматривают следующие виды насилия: физическое, психологическое, сексуальное, финансовое и насилие, выраженное в избыточном контроле [Ali et al., 2021]. Р. М. Садыков и Н. Л. Большакова отмечают, что если мужчина однажды

применил к женщине один вид домашнего насилия, то применит и остальные [Садыхов, Большакова, 2022: 176]. Супружеское насилие часто имеет криминальные признаки и попадает в поле зрения социального контроля. Здесь чаще всего речь идет о физическом насилии с целью причинения боли или травмы партнеру. Крайней формой физического насилия является убийство.

Исследования супружеского насилия показывают, что агрессия мужчины по отношению к женщине воспринимается как типичное поведение [Walker et al., 2018], как норма общественного проявления, не вызывающая возражений, при этом мужу-агрессору приписывается большая вина, чем жене-агрессору [Улыбина, Аббасова, 2020], последствия агрессии мужчин по отношению к женщинам расцениваются как более тяжелые и опасные [Allen, Bradley, 2017].

Женщины, имеющие детей, отмечают исследователи, с большей вероятностью оказываются в небезопасной жизненной ситуации с риском виктимизации насилия со стороны интимного партнера [Pettersson, Thunberg, 2022]. Более молодые женщины репродуктивного возраста подвергаются почти в 10 раз большему риску домашнего насилия, чем пожилые, женщины пострепродуктивного возраста [Peters et al., 2002].

В науке представлены многочисленные исследования клинико-психологических особенностей женщин, переживших домашнее насилие. Так, А. Х. Пашина установила, что у женщин, подвергающихся насилию со стороны мужа, наблюдается превышение нормы показателей социальной эмоциональности и тревожности [Пашина, 2002]. О. К. Таусинова описывает наличие у женщины-жертвы обостренного чувства осознания собственного Я, негативных ожиданий относительно межличностного взаимодействия с другими людьми. В состоянии травматизации она переживает депрессию и имеет патологический психический уровень дезадаптации, которая при этом внешне не проявляется [Таусинова, 2018]. Насилие со стороны супруга или интимного партнера является причиной заболеваний, передаваемых половым путем, непреднамеренной беременности, гинекологических проблем, легких и тяжелых расстройств и смертности среди женщин [Katole et al., 2023].

Несмотря на то что тема супружеского насилия актуальна для современного общества и в публикациях представлены многочисленные исследования данной проблематики, наблюдается дефицит фундаментальных исследований реальной распространенности обозначенного явления, рисков возникновения, восприятия и оценки его в сознании граждан.

Сложность анализа определяется в числе прочего и высокой латентностью супружеского насилия: жертвы обоего пола далеко не всегда обращаются за помощью и не сообщают о преступлении [Лысова, 2008] из-за отсутствия уверенности в разрешении конфликтной ситуации, нежелания выносить семейные проблемы на суд общественности, чувства стыда перед обществом, желания сохранить семью, страха мести со стороны насильника [Пахомова, 2021]. Так, только около половины женщин, которых держали под прицелом жестокие партнеры, обращались в полицию. Среди тех, кто обращались за помощью через систему правосудия, лишь около 70 % заявляли в полицию или суд об угрозах

огнестрельным оружием [Logan et al., 2022]. Статистика обращений в полицию отражает прежде всего уровень физического и сексуального насилия, тем самым из поля внимания упускаются иные виды насилия (психологическое, финансовое и др.).

Постановка задачи / выдвижение гипотезы

В статьях, опубликованных в международно признанных академических журналах, можно наблюдать довольно широкий разброс значений о распространенности семейного насилия в отношении женщин среди населения той или иной страны. Ряд исследований ограничены небольшими выборками, что может определить недостоверность полученных выводов.

В научных работах в рамках обозначенной проблемы за основу сбора информации авторы берут разные базы данных: статистику обращений в полицию или кризисный центр [Agüero, 2021; Hsu, Henke, 2021], количество обращений по телефону доверия [Leslie, Wilson, 2020], статистику обращений за медицинской и юридической помощью [Cho et al., 2021], данные опросов общественного мнения [Ростовская и др., 2018; Every-Palmer et al., 2020], количество интернет-запросов, связанных с домашним насилием [Berniell, Facchini, 2021], данные публикаций в СМИ [Krishnakumar, Verma, 2021; Maji et al., 2022], количество выявленных насильственных травм в ходе стоматологического обследования [Nascimento et al., 2023]. Однако каждый из предложенных источников информации имеет свои недостатки и не позволяет оценить реальные масштабы и особенности семейного насилия в отношении женщин. С учетом деликатности проблемы, ее латентного характера, на наш взгляд, необходимо за основу анализа брать данные из открытых источников сети Интернет. Интернет выступает своеобразным ресурсом, в частности, для жертв супружеского насилия, которые по разным причинам не обращаются за помощью в официальные органы и к соответствующим специалистам.

Исследование онлайн-обращений и комментариев к ним является дополнительным источником информации о специфике супружеского насилия. Однако научному сообществу не хватает набора руководств для составления поисковых запросов, описания процесса подготовки данных, а также оценки релевантности полученных данных. Авторы статьи расширяют и дополняют научные исследования, предлагая развернутый перечень параметров, которые можно извлечь из сообщений пользователей российского Интернета о супружеском насилии с помощью анализа данных из открытых источников Сети.

Цель исследования — выявление специфики представлений о супружеском насилии в отношении женщин пользователей российского Интернета.

Задачами исследования выступают:

- 1) выявление представленности видов и типов супружеского насилия в сообщениях пользователей российского Интернета;
- 2) определение тональности сообщений и позиции их авторов в отношении супружеского насилия;
- 3) установление основных видов поддержки, оказываемых пользователями российского Интернета жертвам супружеского насилия.

Гипотезой исследования является предположение о том, что развернутый перечень параметров анализа, которые можно извлечь из сообщений пользователей российского Интернета о супружеском насилии, включает в себя: 1) тип агрессора, 2) тип повествования, 3) вид насилия, 4) тип насилия, 5) тональность сообщения, 6) позицию автора, 7) вид поддержки в комментариях, 8) тип активности жертвы.

Методы и этапы исследования

В представленном исследовании мы применили несколько методов.

1. Методы извлечения данных из открытых источников сети Интернет с помощью поиска по ключевым словам через систему «Крибрум». Для поиска информации о супружеском насилии использовались социальные сети, микроблоги, интернет-СМИ, форумы, видео, блоги, тематические порталы, мессенджеры.

2. Методы предобработки данных, которые включали в себя удаление дубликатов, индексирование, определение языка, тематики и тональности текста.

3. Методы разметки сообщений, в частности краудсорсинговую разметку по ранее подготовленной инструкции. В роли аннотаторов выступили эксперты, являющиеся специалистами в области социальной и юридической работы с жертвами супружеского насилия, а также волонтеры. Релевантным считалось мнение эксперта, поддержанное большинством волонтеров.

4. Статистические методы: 1) методы частотного анализа для описания линейного распределения данных по каждому вопросу; 2) метод кросс-табуляции (построение таблиц сопряженности), необходимый для описания «перекрестных» распределений данных по нескольким вопросам; 3) методы выявления статистически значимых связей между переменными (критерий хи-квадрат Пирсона).

Анализ количественной информации был произведен в программах SPSS for Windows и Microsoft Office Excel.

Работа по сбору данных о ситуациях супружеского насилия осуществлялась в несколько этапов. На первом этапе сообщения пользователей Сети о супружеском насилии собирались с помощью облачного сервиса автоматизированного мониторинга социальных медиа «Крибрум» (<https://www.kribrum.ru/>). Система аккумулирует упоминания объекта из русскоязычных ресурсов Интернета. В период с 5 октября по 19 ноября 2022 г. было собрано 10 тыс. сообщений.

Поисковые запросы в «Крибрум» строились с учетом классификации видов супружеского насилия (физическое, психологическое, сексуальное, экономическое) и типа агрессора (мужчина или женщина как интимный партнер).

Поиск сообщений осуществлялся с использованием ключевых слов и подбором максимально возможного количества их синонимов. Так за основу идентификации физического насилия были выбраны ключевые слова *бить* и *драться* и 53 синонимичные словоформы, например: *хватать*, *душить*, *избивать*, *замахнуться*, *толкать*, *истязать*, *колотить*, *пороть*, *лупить*, *пинать*.

Для получения релевантного корпуса сообщений, в том числе для идентификации партнера, указывались ключевые слова с синонимами словоформ, после чего формировался поисковый запрос. Например, для определения типа насильника: *сожитель*, *муженек*, *благоверный*, *супруг*, *хахаль*, *ненаглядный*, *мой парень*,

сожительница, женоушка, благоверная, супруга, невеста, ненаглядная, моя девушка. При составлении поискового запроса, описании процесса подготовки данных мы опирались на исследование Е. В. Митягиной, М. Н. Бородатой, Е. В. Волченковой, Н. Н. Ершовой, М. И. Лучининой и Е. В. Котельникова [Mitiagina et al., 2020].

На втором этапе была собрана информация о релевантных и нерелевантных сообщениях. Анализ нерелевантных сообщений позволил выделить характеристики, согласно которым сообщение признавалось не соответствующим теме супружеского насилия: 1) содержание; 2) место происхождения; 3) упоминание в анекдотах, шутках и гороскопах; 4) цитирование произведений художественной литературы, аннотации и отзывы о фильмах; 5) ограниченность/неточность информации. Так, например, по параметру «содержание» к нерелевантным относились сообщения, которые включают маркеры насилия (*бьет, пытается, унижает* и т. д.), но упоминающиеся в ином контексте или в переносном смысле, а также сообщения о насилии в отношении детей или посторонних лиц: «...молодой человек вышел из машины и сразу же ударил мужа в лицо. От неожиданного удара супруг упал, а вместе с ним и маленькая дочка, которая была у него на плечах...» Полное описание оценки релевантности полученных данных было также представлено ранее в исследовании Е. В. Митягиной, М. Н. Бородатой, Е. В. Волченковой, Н. Н. Ершовой, М. И. Лучининой и Е. В. Котельникова [ibid.].

Указанные характеристики нерелевантности, за исключением языка сообщения, как правило, не могут учитываться при автоматическом сборе, что подтверждает сложность изучения темы супружеского насилия и необходимость организации ручного информационного поиска.

На третьем этапе исследования обработка найденных сообщений производилась в настольной версии (desktop version) Microsoft Excel. Программа позволяет осуществлять предварительную подготовку текстов (удаление дубликатов и длинных сообщений). В целом по ключевым словам, соответствующим исследуемой тематике, таким как *поддержка жертв насилия, насилие в семье, помощь жертвам насилия*, удалось найти и отдельные сообщения пользователей, и ряд онлайн-сообществ поддержки жертв супружеского насилия.

На четвертом этапе из 10 тыс. проанализированных сообщений были отобраны 4 тыс. релевантных и размечены вручную по дополнительным категориям. Нами был получен развернутый перечень параметров анализа, которые можно извлечь из сообщений пользователей российского Интернета о супружеском насилии:

- тип насильника или агрессора (мужчина, женщина);
- тип повествования (от первого или от третьего лица);
- вид насилия (физическое, сексуальное, психологическое, экономическое);
- тип насилия (систематическое насилие и контроль, сопротивление и обмана, ситуационное насилие, провокационное насилие, разрыв отношений);
- тональность сообщения (позитивная, негативная, противоречивая, нейтральная);
- позиция автора (осуждение насилия, оправдание насилия, поддержка жертвы, нейтральное отношение, противоречивое отношение);

— вид поддержки в комментариях при ее наличии (информационная, эмоциональная);

— тип активности жертвы («действие», «бездействие»).

Размеченные сообщения и комментарии были проанализированы, структурированы и статистически обработаны, что позволило представить обобщенные характеристики супружеского насилия в отношении женщин.

Результаты исследования

Анализ результатов разметки сообщений и комментариев к ним позволяет сделать вывод о том, что в 88,5 % сообщений насильником выступает мужчина: «Избил муж-алкаш...»; «Сожитель ударил табуреткой»; «...если что-то его не устраивает: ужин невкусный или дети шумят, — сразу жди кулаков». В 11,5 % сообщений насилие осуществляет жена или сожительница в отношении мужчины. Приведем примеры сообщений, полученные в ходе поиска: «Ну вообще Женька Дэпов развелся недавно с женой, которая избивала его...»; «Жена меня уже который раз сковородкой огрела...» Как показал анализ сообщений, женщина выступает в роли агрессора в ответ на насилие или в целях самообороны: «...в ходе драки между супругами жена схватила нож и нанесла несколько ударов»; «...не было больше сил терпеть, я и ударила его ножом». Когда оба партнера постоянно провоцируют друг друга и учиняют драки и ссоры, имеет место взаимное насилие. За основу дальнейшего анализа были взяты сообщения и комментарии к ним, отражающие супружеское насилие в отношении женщин.

Большая часть сообщений (90,9 %) написаны от третьего лица. В них автор передает чью-то историю или чье-то мнение, используя местоимения *он, она, они* и др. Данный факт свидетельствует о том, что люди не готовы открыто говорить о себе в ситуации насилия. Проще рассказать чужую историю, случай о ком-то: «Мать троих детей пожаловалась на мужа в полицию. Мужчина во время семейного скандала избил супругу...»; «У моей подруги такая история — сначала муж на руках носил, а сейчас жирной обзывает, да еще и руку поднимает»; «В ходе ссоры ударил кочергой и закопал».

Количество сообщений от первого лица составляет лишь 9,1 %. В них автор рассказывает свою историю, выраженную в форме факта, и использует местоимения *я, мы, мой, моя* и т. д. Например: «Мой муж меня ударил, с головы не выходит этот момент, я подавлена. 3 года в браке...»; «Не знаю, что делать, — посоветуйте, бьет меня и ребенка, и уйти некуда...»

Результаты анализа представленности видов супружеского насилия в отношении женщин показали, что в одном сообщении речь может идти о нескольких видах насилия одновременно, самым распространенным среди которых является физическое (91,5 %) (рис. 1). Возможно, данный факт в первую очередь связан с тяжелыми и физиологически ощутимыми последствиями этого вида насилия. В сообщениях описаны ситуации применения силы для причинения боли, травм или физических страданий жертве (пощечины, избиение, нанесение удара кулаком или ногой, толкание, перетаскивание, порка и др.): «Это так, к сожалению,

мою соседку муж избивал постоянно, я по ее просьбе вызвала полицию, мне сказали: “Ну не убил же...”»

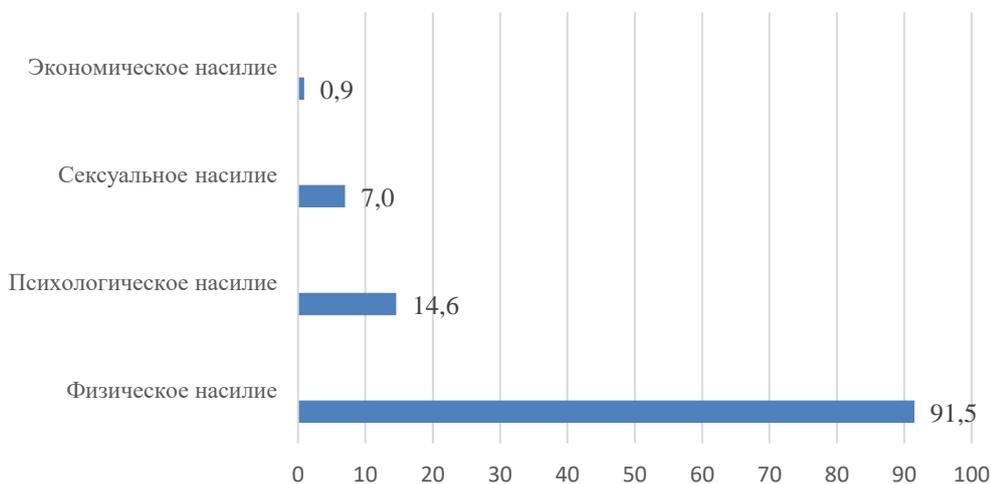

Рис. 1. Представленность видов насилия в сообщениях, %

Количество сообщений, в которых говорится о таком виде насилия, как психологическое, составляет лишь 14,6 %. Однако невысокая частота подобных случаев объясняется тем, что данный вид насилия сложно идентифицировать: брань, ругательства и замечания не всегда воспринимаются как насилие. Такое воздействие на жертву не оставляет синяков на теле, хотя впоследствии, особенно в ситуации систематического применения, может причинить сильную душевную боль. Психологическое насилие очень разнообразно в своих проявлениях, оно включает словесные оскорбления, игнорирование, взгляд без комментариев, принижение значимости, обесценивание достижений партнера, критику, шантаж, исчезновение с целью наказания, манипулирование, вызывание чувства вины и др.: «...он... поехал... к какому-то обрыву и начал мне оттуда строчить СМС: “Я покончу жизнь самоубийством...” Я была в панике. Начала ему звонить, а он не брал трубку...»; «...обзывает меня постоянно, насмехается, да еще при друзьях и в компании».

Количество сообщений о применении сексуальной формы насилия составляет 7 %. В сообщениях присутствует описание принуждения супруги к половой жизни, часто под видом требования исполнять супружеский долг, принуждения к тому, что она считает унижительным или оскорбительным, причинения ей вреда во время полового акта или принуждения заниматься сексом без защиты. Например: «...житель Петербурга изнасиловал жену на глазах у детей...»

Сообщения, в которых речь идет об экономическом насилии, представлены в меньшей степени, их доля составляет 0,9 %. Они содержат описание единовластного контроля над финансовыми и прочими ресурсами семьи (выделение жертве денег на содержание или только на определенные товары, запрет на получение образования и/или трудоустройство, намеренная растрата финансовых средств семьи или отказ от трудовой занятости с целью создания напряженной

обстановки): «Муж контролирует все покупки и требует отчета, своих денег у меня просто нет».

Приведем результаты анализа представленности в текстах типов насилия (рис. 2). Сообщения о систематическом насилии (постоянно повторяющемся во времени) и контроле занимают 70,4 % случаев. Например: «Родственники погибшей заверяют, что сельчанин долгие годы жестоко избивал супругу...»; «...сожитель 12 лет унижает меня разными способами»; «Каждый божий день муж издевается надо мной».

Рис. 2. Представленность типов насилия в сообщениях, %

24,5 % составляют сообщения о ситуационном насилии — типе насилия, проистекающего из определенных ситуаций, споров и конфликтов между партнерами, которые затем перерастают в физическое насилие. В отличие от систематического насилия у данного насилия нет хронического паттерна, оно не сопровождается контролирующим, запугивающим и преследующим поведением. Наиболее часто ситуационное насилие происходит во время алкогольного опьянения агрессора, из-за неприятностей на работе, ревности, по причине эмоционального всплеска: «Сибиряк в состоянии алкогольного опьянения жестоко избил свою беременную жену...»; «Мужа уволили с работы, дак он накинулся на меня с обвинениями, что я во всем виновата, в итоге еще и ударил...»; «Костромич из ревности сломал нос и скулы своей жене...»

Доля сообщений, в которых представлены такие типы насилия, как сопротивление и оборона, составляет 4,8 %. Они применяются жертвой, чтобы противостоять насилию со стороны партнера: «Муж, 1991 года рождения, принялся кулаками воспитывать супругу, конфликт происходил на кухне частного дома, и в

руках у женщины оказался нож. В результате мужчина получил проникающее ножевое ранение в грудь и скончался еще до госпитализации...»

Незначительную долю (0,3 %) составляют сообщения о провокационном насилии, при котором жертва специально провоцирует партнера на физическое насилие, чтобы потом давить на чувство вины и выдвигать какие-то бытовые требования: *«Сегодня жена начала на меня орать, что я не приношу денег в семью, часто гуляю с друзьями, пью, еще и замахнулась на меня, пришлось дать ей по морде, чтобы пришла в себя...»*

Сообщений о насилии, вызванном разрывом отношений, выявлено не было.

Результаты исследования показали, что 56,9 % сообщений отражают факт применения супружеского насилия. Примерами могут служить следующие сообщения: *«Женщину избил муж. Она в синяках пошла в храм к священнику с вопросом — что делать...»*; *«...мне ваша история сегодня не понравилась. При чем здесь национальность. Меня русский муж так дупил, что у нерусских женщин волосы дыбом бы встали...»*; *«В Нижегородской области мужчина нанес телесные повреждения сожительнице, в результате чего она скончалась. По факту возбуждено уголовное дело...»* Как видно из примеров, в сообщениях о фактах супружеского насилия представлена информация, содержание которой не позволяет выявить отношение автора к проблеме, в отличие от сообщений-комментариев.

В 43,1 % сообщений отражены комментарии к постам о супружеском насилии. Например: *«Сосед, как выпьет, так дупит свою жену, а потом мирятся, вот и вмешивайся тут...»*; *«...такие страшные вещи пишете — неужели так можно жить?»*; *«Если недомужчина избивает и насилует свою жену, то она *** тряпка...»* Комментарии носят разный характер, в большей части комментариев выражено отношение к ситуации насилия: *«...если вы пишете, что вас постоянно избивает пьяный муж, то, может, уже пора посадить его?»*; *«...забирайте ребенка и бегите от него»*; *«...не надо здесь жаловаться»* и др. Сообщения-комментарии можно условно разделить на комментарии-советы, комментарии — оценку ситуации, комментарии — размышления о проблеме.

Следующим параметром анализа стала тональность сообщений, которая измеряется по шкале, имеющей четыре значения: 1) позитивная, 2) негативная, 3) противоречивая и 4) нейтральная. Важными маркерами тональности являются оценочные слова и выражения, такие как *прекрасно, ужасно, любовь, ненависть* и т. п. Количество сообщений с негативной тональностью составляет 95,2 %, с нейтральной — 4,5 %, с противоречивой — 0,3 %. Сообщений с позитивной тональностью выявлено не было.

Анализ сообщений осуществлялся также на основе оценки точки зрения автора на конкретную ситуацию, описанную в сообщении, или в целом на проблему супружеского насилия. Позиция может заключаться в осуждении насилия, его оправдании, поддержке жертвы, а также может быть нейтральной или противоречивой. Нейтральная позиция автора в тексте либо не выражена явно, либо имеется четкое указание на индифферентность. Количество сообщений, в которых отражена данная точка зрения, составляет 45,6 %: *«В отношении отца возбуждено уголовное дело по трем статьям, а детей передали родной матери. Как выяснилось, мужчина издевался не только над супругой...»*; *«Такая вот у нас жизнь — одних бьют, а они и терпят...»*

Осуждающая позиция выражается в высказываниях автора против насилия и действий агрессора. Количество таких сообщений составляет 35,6 %. Например: *«То есть бабу бить мужику — это норма? Так мужик ли ты после этого?»*

Поддержка жертвы проявляется в том, что автор сообщений дает совет, делится информацией, выражает эмоциональное сопереживание или поднимает ее самооценку. Количество данных сообщений в общем массиве очень мало и составляет 10,5 %: *«Поэтому перво-наперво осознай истину: для того чтобы с кем-то строить отношения и кого-то любить, надо ЛЮБИТЬ СЕБЯ. Возьми себе смелость сказать, что ты оступилась в выборе с человеком, что ты не ценила себя...»*

Оправдание насилия определялось по маркерам защиты агрессора, обоснования и объяснения насилия. Количество сообщений, в которых отражена данная точка зрения, составляет 7,1 %: *«Если пятый, шестой, десятый муж бьет по хारे, то виновата хара...»*; *«Но ведь бьет — значит любит, подумайте, стоит ли уходить...»*; *«Девочки, вы сами виноваты, находите себе мужей непонятно где».*

Противоречивая позиция отражена в сообщениях, в которых автор приводит соображения как в пользу насилия, так и против него, не склоняясь ни к одной позиции. Количество сообщений с представленной точкой зрения составляет 1,2 %: *«Вообще этой дуре не верю. Муж бабки зарабатывает, а она устала. ...Мать мужа с детьми помогает, займись чем-нибудь. Не верю, что муж ее бил...»*

Нами были выделены и проанализированы сообщения и комментарии к ним, в которых выражены два вида поддержки: эмоциональная и информационная. Эмоциональная (моральная) поддержка проявляется в тех сообщениях, в которых автор разделяет проблему, выражает сочувствие, жалость, формирует чувство общности, ободряет, вселяет уверенность. Количество таких сообщений составляет всего 9,7 %: *«Вот и Юлю это же ждет. Беги, пока не поздно, от Ромашова — это не шутки, это диагноз: он садист...»*; *«...по себе все знаю, сама в этом аду жила, но сил хватило развестись...»*

Информационная поддержка проявляется в тех случаях, когда делятся знанием (информация о пунктах помощи, контактах, мерах по облегчению жизни и др.) и опытом (советы о том, как поступить и решить проблему): *«Ударил муж. Пошла в больницу, зафиксировала побои, подала заявление в полицию, в чем проблема...»* Следует отметить, что сообщений с информационной поддержкой практически нет (1,9 %) или они ограничены советами обратиться в правоохранительные органы. Это может свидетельствовать о том, что авторы постов и комментариев либо слабо информированы о пунктах помощи, либо таких пунктов нет в местах их проживания.

Сообщения также можно условно разделить по двум типам активности жертвы: «действие» и «бездействие». Позиция действия проявляется в поведении субъекта, которое приводит к изменению ситуации и уходу от насилия: *«Муж ее и колошиматил, и гнобил, в открытую гулял, приводил баб домой в ее присутствии и грозил свернуть шею, если на развод подаст. Она втихаря нашла работу за границей, подала на развод и уехала...»*; *«Моя мать сбежала от первого мужа, который пил и бил»*; *«Я ушла от мужа, потому что он меня избил».* Таких сообщений очень мало — 0,95 % от общего количества.

Позиция бездействия жертвы выражена в 9,5 % сообщений, в которых транслируется субъективно тупиковая ситуация или ситуация порочного круга, когда женщина не способна кардинально изменить происходящее и продолжает жить с агрессором. Жертва испытывает дефицит средств и возможностей для установления и поддержания бесконфликтной ситуации в семье: *«Муж бьет жену, а она читает дневник и думает: “Он же меня раньше любил”. И не уходит»; «...лучше будет бить, чем наоборот, и я останусь одна»; «...идти мне было некуда...»* Наиболее частые причины, которые объясняют данную позицию, следующие: экономическая зависимость от мужа, невозможность или нежелание работать, отсутствие престижной профессии или образования, привязанность, страх перед снижением своего социального статуса, невозможность найти жилье, культурно-исторические корни (домострой), устойчивые представления о том, что детям нужен отец, даже если он тиран, или что женщина должна быть гибкой и уметь приспосабливаться к любому мужу, а если не смогла, то сама виновата. Женщинам мешают уйти из семьи еще и иллюзорные представления о том, что насилие никогда больше не повторится, вера временным обещаниям мужа. Данные причины предопределяют бездействие женщины, которая принимает решение терпеть насилие: *«Женщину муж бьет, она терпит, должна терпеть. Бог терпел и нам велел...»*

Таким образом, женщины, сталкивающиеся с супружеским насилием в семье, сами не могут разобраться в трудностях. Чаще всего они становятся молчаливыми жертвами обстоятельств, живущими наедине со своей болью. Они не знают, как себя вести после применения насилия по отношению к ним, как жить дальше.

Выводы

Анализ 10 тыс. сообщений из открытых источников сети Интернет позволил нам предложить развернутый перечень параметров, которые можно извлечь из сообщений пользователей о проблеме супружеского насилия в отношении женщин: 1) тип агрессора, 2) тип повествования, 3) вид насилия, 4) тип насилия, 5) тональность сообщения, 6) позиция автора, 7) вид поддержки в комментариях, 8) тип активности жертвы. Представим основные характеристики супружеского насилия в отношении женщин по выделенным параметрам.

1. В 88,5 % сообщений насильником выступает мужчина. Женщины тоже проявляют агрессию по отношению к мужчинам (11,5 %), но чаще всего в ситуации сопротивления и обороны.

2. Проблема насилия носит латентный характер. Большинство сообщений написаны от третьего лица (90,9 %). Это свидетельствует о том, что жертвы не готовы говорить о фактах супружеского насилия даже в интернет-сообществах, где они могут это сделать анонимно.

3. Физическое насилие в отношении женщины совершается чаще (91,5 % сообщений), чем другие виды насилия, и является систематически повторяющимся поведением (70,4 %). Ситуационное насилие (24,5 %) возникает как следствие состояния опьянения или крайнего эмоционального раздражения

мужчины в определенной жизненной ситуации (ревность, неприятности на работе и др.).

4. Сообщения, излагающие факты супружеского насилия (56,9 %), преобладают над комментариями (43,1 %), среди которых можно выделить комментарии-советы, комментарии — оценку ситуации и комментарии — размышления о проблеме.

5. Отношение к супружескому насилию выражается через тональность сообщения. Количество сообщений с негативной тональностью составляет 95,2 %, с нейтральной — 4,5 %, с противоречивой — 0,3 %. Сообщений с позитивной тональностью выявлено не было.

6. Следует отметить, что в отношении авторов к супружескому насилию преобладает индифферентная позиция (45,6 %). Доля сообщений, оправдывающих насилие, составляет 7,1 %. В общей сумме обе позиции отражены в более 50 % сообщений. Это свидетельствует о том, что авторы далеко не всегда проявляют сочувствие жертве и в ряде случаев даже оправдывают насилие.

7. Авторы сообщений, позиция которых связана с осуждением насилия (35,6 %), готовы оказать жертве поддержку, чаще эмоционального характера (9,7 %), реже информационного (1,9 %). Советы обратиться за помощью связаны только с привлечением правоохранительных органов и лишь в той ситуации, когда существует угроза жизни и имеются подтверждающие насилие признаки. Отсутствие информационной поддержки свидетельствует о недостаточном информировании о субъектах помощи жертвам насилия или их отсутствии.

8. Женщина — жертва супружеского насилия чаще проявляет бездействие (9,5 %), испытывая дефицит возможностей справиться со сложившейся кризисной ситуацией, и реже активно разрешает проблему (0,95 %): находит работу, уходит от агрессора, разводится.

Полученные результаты подтверждают актуальность данного исследования и объясняют стремление жертв насилия искать помощи в онлайн-пространстве. Поскольку раскрытие информации о случаях супружеского насилия и обращение за помощью к соответствующим службам является для жертв затруднительным процессом, дальнейшие исследования заявленной проблемы должны быть расширены поиском инструментов, позволяющих выявить проблемы, с которыми сталкивается женщина — жертва насилия, разработкой и апробированием пошаговых инструкций, размещенных на различных интернет-ресурсах и содержащих разъяснения о том, как и куда можно обратиться для защиты себя и своих близких.

Список источников

- Казун А. П.* Влияние пандемии коронавируса на домашнее насилие: обзор международных исследований // *Женщина в российском обществе.* 2022. № 1. С. 72—86.
- Калабихина И. Е.* Последствия пандемии COVID-19 в гендерном ракурсе // *Женщина в российском обществе.* 2022. № 3. С. 60—76.
- Лысова А. В.* Физическое насилие над женами в российских семьях // *Социологические исследования.* 2008. № 9. С. 121—128.
- Пахомова Я. А.* Пока все дома: домашнее насилие в период пандемии COVID-19 // *Вопросы российской юстиции.* 2021. № 12. С. 373—384.

- Пашина А. Х. Взаимосвязь различных видов насилия в отношении женщин и особенностей их эмоциональной сферы // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 6. С. 98—105.
- Ростовская Т. К., Калиев Т. Б., Завьялова Н. Б., Безвербный В. А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 78—88.
- Садыхов Р. М., Большакова Н. Л. Насилие в семье в новых российских реалиях: сущность, виды и причины // Вестник университета. 2022. № 8. С. 171—178.
- Саламова С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Русский закон. 2018. № 9. С. 129—138.
- Таусинова О. К. Клинико-психологические особенности состояния женщин, переживших домашнее насилие // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2018. № 3. С. 183—194.
- Улыбина Е. В., Аббасова С. Э. Гендерные различия в атрибуции вины участникам типичного и нетипичного супружеского насилия // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 3. С. 51—69.
- Шипунова Т. В. Супружеское насилие в контексте виктимизации женщин // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 2016. Т. 22, № 3. С. 142—158.
- Agüero J. COVID-19 and the rise of intimate partner violence // World Development. 2021. Vol. 137. P. 1—7.
- Ali P., Rogers M., Heward-Belle S. COVID-19 and domestic violence: impact on mental health // Journal of Criminal Psychology. 2021. Vol. 11, № 3. P. 188—202.
- Allen E., Bradley M. S. Perceptions of harm, criminality, and law enforcement response: comparing violence by men against women and violence by women against men // Victims & Offenders. 2017. Vol. 13, iss. 3. P. 373—389.
- Berniell I., Facchini G. COVID-19 lockdown and domestic violence: evidence from internet-search behavior in 11 countries // European Economic Review. 2021. Vol. 136, № 4. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35721306/> (дата обращения: 01.08.2023).
- Cho H., Kwon I., Shamrova D., Seon J. Factors for formal help-seeking among female survivors of intimate partner violence // Journal of Family Violence. 2021. Vol. 36, iss. 2. P. 143—152.
- Every-Palmer S., Jenkins M., Gendall P., Hoek J., Beaglehole B., Bell C., Williman J. Psychological distress, anxiety, family violence, suicidality, and wellbeing in New Zealand during the COVID-19 lockdown: a cross-sectional study // PLoS One. 2020. Vol. 15, iss. 11. P. 1—19.
- Hsu L.-C., Henke A. COVID-19, staying at home, and domestic violence // Review of Economics of the Household. 2021. Vol. 19, № 1. P. 145—155.
- Katole A., Saoji A., Kumar M. Spousal violence among reproductive age group women — a community-based cross-sectional study // Indian Journal of Community Medicine. 2023. Vol. 48, iss. 1. P. 65—69.
- Kourti A., Stavridou A., Panagouli E., Psaltopoulou T., Spiliopoulou C., Tsofia M., Sergentanis T. N., Tsitsika A. Domestic violence during the COVID-19 pandemic: a systematic review // Trauma, Violence, and Abuse. 2021. Vol. 24, iss. 2. P. 719—745.
- Krishnakumar A., Verma S. Understanding domestic violence in India during COVID-19: a routine activity approach // Asian Journal of Criminology. 2021. Vol. 16, № 1. P. 1—17.
- Larsen L. W., Aye W. T., Bjertness E. Prevalence of intimate partner violence and association with wealth in Myanmar // Journal of Family Violence. 2021. Vol. 36, iss. 8. P. 417—428.

- Leslie E., Wilson R. Sheltering in place and domestic violence: evidence from calls for service during COVID-19 // *Journal of Public Economics*. 2020. Vol. 189. P. 1—7.
- Logan T., Lynch K., Walker R. Exploring control, threats, violence and help-seeking among women held at gunpoint by abusive partners // *Journal of Family Violence*. 2022. Vol. 37, iss. 1. P. 59—73.
- Maji S., Bansod S., Singh T. Domestic violence during COVID-19 pandemic: the case for Indian women // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2022. Vol. 32, iss. 3. P. 374—381.
- Mitiagina E., Borodataya M., Volchenkova E., Ershova N., Luchinina M., Kotelnikov E. Russian text corpus of intimate partner violence: annotation through crowdsourcing // *Communications in Computer and Information Science*. 2020. Vol. 1349. P. 306—321.
- Nascimento C. T. J., Oliveira M. N., Vidigal M. T. C., Inocência G. S. G., Vieira W. A., Franco A., Ferreira M. C., Paranhos L. R. Domestic violence against women detected and managed in dental practice: a systematic review // *Journal of Family Violence*. 2023. Vol. 38, iss. 1. P. 149—160.
- Peters Ja., Shackelford T. K., Buss D. M. Understanding domestic violence against women: using evolutionary psychology to extend the feminist functional analysis // *Violence and Victims*. 2002. Vol. 17, № 2. P. 255—264.
- Petersson J., Thunberg S. Vulnerability factors among women victimized by intimate partner violence and the presence of children // *Journal of Family Violence*. 2022. Vol. 37, iss. 7. P. 1057—1069.
- Walker J., Ashby J., Gredecki N., Tarpey E. Gender representations of female perpetrators of intimate partner violence // *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. 2018. Vol. 10, iss. 3. P. 170—180.
- Zhang H. The influence of the ongoing COVID-19 pandemic on family violence in China // *Journal of Family Violence*. 2022. Vol. 37, iss. 5. P. 733—743.

References

- Agüero, J. (2021) COVID-19 and the rise of intimate partner violence, *World Development*, vol. 137, pp. 1—7.
- Ali, P., Rogers, M., Heward-Belle, S. (2021) COVID-19 and domestic violence: impact on mental health, *Journal of Criminal Psychology*, vol. 11, no. 3, pp. 188—202.
- Allen, E., Bradley, M. S. (2017) Perceptions of harm, criminality, and law enforcement response: comparing violence by men against women and violence by women against men, *Victims & Offenders*, vol. 13, iss. 3, pp. 373—389.
- Berniell, I., Facchini, G. (2021) COVID-19 lockdown and domestic violence: evidence from internet-search behavior in 11 countries, *European Economic Review*, vol. 136, no. 4, available from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35721306/> (accessed 01.08.2023).
- Cho, H., Kwon, I., Shamrova, D., Seon, J. (2021) Factors for formal help-seeking among female survivors of intimate partner violence, *Journal of Family Violence*, vol. 36, iss. 2, pp. 143—152.
- Every-Palmer, S., Jenkins, M., Gendall, P., Hoek, J., Beaglehole, B., Bell, C., Williman, J. (2020) Psychological distress, anxiety, family violence, suicidality, and wellbeing in New Zealand during the COVID-19 lockdown: a cross-sectional study, *PLoS One*, vol. 15, iss. 11, pp. 1—19.
- Hsu, L.-C., Henke, A. (2021) COVID-19, staying at home, and domestic violence, *Review of Economics of the Household*, vol. 19, no. 1, pp. 145—155.

- Kalabikhina, I. E. (2022) Posledstviia pandemii COVID-19 v gendernom rakurse [Consequences of the COVID-19 pandemic from a gender perspective], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 60—76.
- Katole, A., Saoji, A., Kumar, M. (2023) Spousal violence among reproductive age group women — a community-based cross-sectional study, *Indian Journal of Community Medicine*, vol. 48, iss. 1, pp. 65—69.
- Kazun, A. P. (2022) Vliianie pandemii koronavirusa na domashnee nasilie: obzor mezhdunarodnykh issledovaniĭ [The impact of the coronavirus pandemic on domestic violence: review of international research], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 72—86.
- Kourti, A., Stavridou, A., Panagouli, E., Psaltopoulou, T., Spiliopoulou, C., Tsolia, M., Sergentanis, T. N., Tsitsika, A. (2023) Domestic violence during the COVID-19 pandemic: a systematic review, *Trauma Violence, and Abuse*, vol. 24, iss. 2, pp. 719—745.
- Krishnakumar, A., Verma, S. (2021) Understanding domestic violence in India during COVID-19: a routine activity approach, *Asian Journal of Criminology*, vol. 16, no. 1, pp. 1—17.
- Larsen, L. W., Aye, W. T., Bjertness, E. (2021) Prevalence of intimate partner violence and association with wealth in Myanmar, *Journal of Family Violence*, vol. 36, iss. 8, pp. 417—428.
- Leslie, E., Wilson, R. (2020) Sheltering in place and domestic violence: evidence from calls for service during COVID-19, *Journal of Public Economics*, vol. 189, pp. 1—7.
- Logan, T., Lynch, K., Walker, R. (2022) Exploring control, threats, violence and help-seeking among women held at gunpoint by abusive partners, *Journal of Family Violence*, vol. 37, iss. 1, pp. 59—73.
- Lysova, A. V. (2008) Fizicheskoe nasilie nad zhēnami v rossiiskikh sem'iaxh [Physical violence against women in Russian families], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 9, pp. 121—128.
- Maji, S., Bansod, S., Singh, T. (2022) Domestic violence during COVID-19 pandemic: the case for Indian women, *Journal of Community & Applied Social Psychology*, vol. 32, iss. 3, pp. 374—381.
- Mitiagina, E., Borodataya, M., Volchenkova, E., Ershova, N., Luchinina, M., Kotelnikov, E. (2020) Russian text corpus of intimate partner violence: annotation through crowdsourcing, *Communications in Computer and Information Science*, vol. 1349, pp. 306—321.
- Nascimento, C. T. J., Oliveira, M. N., Vidigal, M. T. C., Inocencio, G. S. G., Vieira, W. A., Franco, A., Ferreira, M. C., Paranhos, L. R. (2023) Domestic violence against women detected and managed in dental practice: a systematic review, *Journal of Family Violence*, vol. 38, iss. 1, pp. 149—160.
- Pakhomova, Ya. A. (2021) Poka vse doma: domashnee nasilie v period pandemii COVID-19 [While everyone is at home: domestic violence during the COVID-19 pandemic], *Voprosy rossiiskoi iustitsii*, no. 12, pp. 373—384.
- Pashina, A. Kh. (2002) Vzaimosviaz' razlichnykh vidov nasiliia v otnoshenii zhenshchin i osobennostei ikh ėmotsional'noi sfery [Correlation of different types of violence toward women and peculiarities of their emotional sphere], *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 23, no. 6, pp. 98—105.
- Peters, Ja., Shackelford, T. K., Buss, D. M. (2002) Understanding domestic violence against women: using evolutionary psychology to extend the feminist functional analysis, *Violence and Victims*, vol. 17, no. 2, pp. 255—264.

- Petersson, J., Thunberg, S. (2022) Vulnerability factors among women victimized by intimate partner violence and the presence of children, *Journal of Family Violence*, vol. 37, iss. 7, pp. 1057—1069.
- Rostovskaya, T. K., Kaliev, T. B., Zavyalova, N. B., Bezverbnyy, V. A. (2018) Profilaktika nasiliia kak faktor bezopasnosti sem'i: rossiiskii i kazakhstanskiĭ opyt [Prevention of violence as a factor of family security: Russian and Kazakhstan experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 78—88.
- Sadykov, R. M., Bolshakova, N. L. (2022) Nasilie v sem'e v novykh rossiiskikh realiiakh: sushchnost', vidy i prichiny [Family violence in the new Russian realities: essence, types and reasons], *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 171—178.
- Salamova, S. Ya. (2018) Domashnee nasilie v sovremennoi Rossii: obshchaia kharakteristika [Domestic violence in modern Russia: general characteristics], *Russkii zakon*, no. 9, pp. 129—138.
- Shipunova, T. V. (2016) Supruzheskoe nasilie v kontekste viktimizatsii zhenshchin [Spousal violence in the context of women's victimization], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 18, Sotsiologiia i politologiia, vol. 22, no. 3, pp. 142—158.
- Tausinova, O. K. (2018) Kliniko-psikhologicheskie osobennosti sostoianiia zhenshchin, perezvivshikh domashnee nasilie [Clinical and psychological characteristics of women traumatization as consequence of domestic violence], *Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. P. Astaf'eva*, no. 3, pp. 183—194.
- Ulybina, E. V., Abbasova, S. E. (2020) Gendernye razlichii v atributsii viny uchastnikam tipichnogo i netipichnogo supruzheskogo nasiliia [Gender differences in attributing of guilt to the participants of typical and atypical marital violence scenarios], *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo*, vol. 11, no. 3, pp. 51—69.
- Walker, J., Ashby, J., Gredecki, N., Tarpey, E. (2018) Gender representations of female perpetrators of intimate partner violence, *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, vol. 10, iss. 3, pp. 170—180.
- Zhang, H. (2022) The influence of the ongoing COVID-19 pandemic on family violence in China, *Journal of Family Violence*, vol. 37, iss. 5, pp. 733—743.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 26.01.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 26.01.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Воронина Ольга Александровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы и молодежной политики, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, forol@list.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Work and Youth Policy, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Митягина Екатерина Владимировна — доктор социологических наук, доцент кафедры социальной работы и молодежной политики, проректор по развитию на основе анализа данных, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, usr07868@vyatsu.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social Work

and Youth Policy, Vice President for Development Based on Data Analysis, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Бородатая Марина Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и молодежной политики, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, m.borodatay@gmail.com (Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Social Work and Youth Policy, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Волченкова Елена Валерьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и молодежной политики, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, lena_volc@mail.ru (Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Social Work and Youth Policy, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).

Ершова Нина Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, ershovacentre@yandex.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychology, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation).